

Вступление

Второй триместр почти подошел к концу, осталось всего два дня. На сегодня у нас намечен специальный экзамен «Совместный всесторонний письменный тест», на котором нам предстоит наконец-то столкнуться с классом А в прямом противостоянии. Несмотря на уникальные правила, сам тест мало чем отличался от промежуточных и итоговых экзаменов.

В классе собравшиеся ученики, чьи академические способности оцениваются как С и ниже, уже с самого утра погрузились в учебу, чтобы использовать каждую свободную минуту, пока была такая возможность. Репетиторы, включая Кейсея и Хорикиту, закончив все приготовления накануне, давали соответствующие наставления и проводили финальные проверки.

Многие ученики могли подумать, будто самая сложная часть экзамена еще впереди, однако это не так. Как говорится, занимайся восемьдесят процентов времени, чтобы блеснуть в оставшиеся двадцать. В этом плане большая часть проделанной работы представляет собой подготовку к экзамену. Главный ключ в отношении к учебе и концентрации. По сравнению с этим сам экзамен — лишь одна пятая всех усилий.

А когда дело будет сделано, придет понимание: по большей части было не так-то и трудно.

Порядок сдачи экзамена для класса определялся списком, который Хорикита должна была передать Чабашире-сенсей до вчерашнего вечера.

Всего надо решить сто вопросов — в любой последовательности, но в рамках установленного количества, из-за чего некоторым могло показаться, будто порядок не столь важен, однако все как раз наоборот. На одного человека выделяется десять минут, отсчет ведется с открытия двери и заканчивается выходом из кабинета. На решение самих вопросов этого вполне достаточно, но не для прочтения сотни заданий с последующим пониманием их сути. Если у ученика с низкими академическими способностями возникнут проблемы с пониманием, то у него мало того, что не выйдет отыскать максимально возможные пять легких задач и решить их, так еще и, вероятно, получатся глупые ошибки из-за спешки.

Вот почему порядок очень важен для снижения вероятности плохого исхода.

До звонка, означавшего начало экзамена, осталось пять минут.

Волнение охватило всех в классе, но один лишь Коенджи оставался самым собой. Он выглядел беззаботным — то внимательно рассматривал свое лицо в зеркальце, то изредка бросал взгляд на экран телефона, просматривая что-то в интернете.

Хорикита попыталась заранее получить подтверждение у Коенджи, но тот так и не сказал, возьмется ли он за дело всерьез. Ответ был лишь один: он имеет право поступать, как ему заблагорассудится.

Хорикита осознавала, что ее стратегия, стоившая больших усилий, могла быть испорчена одним лишь Коенджи, поэтому выдвинула разумное предложение. Пусть он решает вопросы последним. К тому времени девяносто восемь заданий должны быть решены, и ему останется всего два.

Если Коенджи, у которого оценка В за академические способности, не решит два вопроса, мы недополучим четыре балла, что вряд ли станет для нас серьезным ударом. Кроме того, последние два вопроса зачтутся нам, даже если вместо решения он оставит пустое место, — обойдется без нарушения правил, ведь он взялся за их решение, но якобы не получилось. Таким образом, удастся исключить всевозможные риски: ответы на случайные задачи из прихоти, пробелы или ошибки.

Коенджи охотно согласился на предложение. Победа класса означает прибавку в пятьдесят очков, поэтому от него можно ожидать правильные решения. Более того, из-за его бездействия его класс проиграет, желаемых им частных баллов станет меньше.

Предугадать действия Коенджи, основываясь на здравом смысле, невозможно, так что у Хорикиты нет иного выбора, кроме как воспользоваться упомянутой стратегией.

Сложность вопросов на тесте определенно не будет легкой. Для оптимизма места нет, но условия для победы благоволят нам.

Классу А необходимо выложиться так, чтобы набрать близкое к пределу число баллов. Несомненно, на учеников с более низкими академическими показателями будет оказано большое давление и стресс.

Их лидер, Сакаянаги, определенно выработала стратегию, но экзамен каждый сдает в отдельном кабинете, а повернуть неожиданный трюк не представляется возможным ввиду характера контроля.

Понятное дело, ученики с низкими академическими способностями не смогут получить много баллов, также они не смогут пойти на риск, подготовив что-то вроде шпаргалок. Получается, единственный выход для всех классов — подтянуть знания и согласовать некоторые детали, вроде порядка сдачи, чтобы по максимуму проявить себя.

Есть и другой вариант, направленный не на сам экзамен, — это опосредованное притеснение. По такому пути пошел Рьюен.

Можно было воспользоваться грубыми методами, вроде закулисных договоров о намеренном недоборе баллов, но результаты экзамена расставят все на свои места. Существует риск выявления предательства при допущении самых банальных ошибок, да и не факт, что для победы хватит подкупа одного-двух человек.

В этой школе подавляющее большинство учеников выкладываются в учебе на полную, но могут

быть и своего рода аномалии, вроде меня или Коенджи, чьи способности в «ОИС» оценены не так, как они есть на самом деле. Не стоит пренебрегать возможностью получить дополнительные баллы просто за то, что оценка академических способностей не соответствует реальности.

Пока что можно сказать, что несколько условий работают в пользу класса Хорикиты.

Чабашира-сенсей вошла в класс сразу со звонком, а после мы вместе переместились в спецкорпус, где и началось наше ожидание. Затем мы один за другим, в соответствии с принятым Хорикитой порядком, уходили в соседний кабинет, где надо было решать вопросы на планшете. Экзамен должен закончиться после Коенджи.

В этом кабинете за нами наблюдал учитель, нам нельзя пользоваться устройствами, в том числе телефонами. Разговоры тоже запрещены, поэтому все молча ждали своей очереди.

Смогут ли ученики показать себя — зависело от того, как они справятся с волнением, вот и все.

Часть 1

После завершения специального экзамена, а также когда продолжительное ожидание подошло к концу, ученики ненадолго успокоились.

— Вы все хорошо постарались. О результатах станет известно завтра, а на сегодня вы свободны. Послезавтра начнутся зимние каникулы, так вот, постарайтесь совсем уж в отрыв не уходить. У меня все, — похвалила нас Чабашира-сенсей по окончании учебного дня.

Теперь осталась только церемония окончания триместра.

Освободившись от тяжелой ноши, многие ученики с этих пор могут вздохнуть полной грудью. Кто-то задумался, как хорошо справился с тестом, Хорикита же не брала инициативы расспрашивать каждого. Можем сколько угодно считать баллы, но остаются еще решения соперника. Скорее всего, она также посчитала, что смысла в этом мало, ведь результаты станут известны уже завтра.

— Слушай... такое дело... — тихо заговорила Кей, подойдя ко мне.

— Да?

— В общем... мне пора бы уже простить... — начала она, но затихла — то ли из страха, то ли потому, что растерялась.

Но тут ко мне подошла еще и Хорикита.

— Аянокодзи-кун, можно на минутку?

— Хорикита-сан, извини, но это может подождать?

— Если бы могло, я бы не обращалась сейчас. Но, к сожалению, дело в ученическом совете. Вице-президент Кирияма вызывает. Вернее, бывший вице-президент. Надо прийти в кабинет совета прямо сейчас. — Хорикита, подтверждая истинность своих слов, показала сообщение на телефоне.

Позади нее уже стояла улыбающаяся Кушида.

— Прости, Кей. Давай поговорим после. Свяжись со мной в любое время.

— Х-хорошо. Пока...

Я оставил Кей и вышел из класса вместе с Хорикитой и Кушидой.

— Только специальный экзамен завершился, так сразу какое-то дело в ученическом совете. Вроде как Нагумо-семпай там тоже будет.

— Нагумо и Кирияма ведь уже не члены ученического совета. Значит, не обязательно слушаться их, разве нет?

— Это работает не так. Может, они теперь не связаны с ученическим советом, но все равно остаются старшеклассниками. Кроме того, обсуждаться будет случай с Кирюин-семпай. Ну, тот случай, понимаешь?

— Ясно. Тот случай, да?

Ожидаемое развитие событий, я даже переписывался по этому поводу с Кирюин прошлым вечером. А вот что неожиданно — Кирияма вовлек в дело Хорикиту. Изначально задумывалось присутствие лишь четырех человек: меня, Нагумо, Кириямы и самой Кирюин.

— Так-так, а я не в курсе, что за тот случай? Что там с Кирюин-семпай?

— Конечно, Кушида-сан, раз...

— Я сам расскажу. А то мне надо кое о чем поведать тебе, Хорикита.

— Кое о чем?

— О показаниях еще одного участника в деле о магазинной краже.

Когда я закончил рассказ, мы как раз подошли к кабинету ученического совета, где уже ждали два ученика с первого года обучения: Ага из класса А и Нанасе, недавно присоединившаяся к ученическому совету вместе с Кушидой.

Я предполагал, что присутствовать будет лишь самый минимум совета, но, похоже, собрался весь состав. По-видимому, здесь замешан еще один человек, по чьей воле все и происходит.

— Я, в общем, впервые буду участвовать в ученическом совете. Пospешила прийти как можно скорее, чтобы выполнить обязанности секретаря! — произнесла Нанасе, которая прижимала к себе тетрадь, точно драгоценность.

— Это чтобы вести протокольные записи?

— Да. Обязанность секретаря, как я слышала.

— Так и есть, но журнал протоколов у ученического совета свой, и храниться он должен в кабинете.

— Э, правда, что ли? Я купила вот...

Кажется, у нее было столь сильное стремление посвятить себя ученическому совету, что начала торопить события.

— Ладно, проблема небольшая, если сохранила чек, предоставь его позже. Возместим тебе.

— Х-хорошо. Извините.

Хорикита заверила, что покроет расходы за тетрадь из бюджета ученического совета.

— Ну так что, давайте зайдем?

Оказалось, Нагумо уже был в кабинете ученического совета, он ждал внутри вместе с Кириямой. Только в этот раз не сидел в кресле президента, а стоял.

— Извини, Хорикита, у второгодок только прошел специальный экзамен, могу понять, если ты устала.

— Все в порядке, уверяю. Но что там насчет дела Кирюин-семпай?.. — спросила Хорикита Нагумо, не упоминая о недавно полученных от меня объяснений.

— А-а. Кирияма тут поведал кое-что. Говорит, надо собраться, потому что Кирюин собирается пожаловаться в ученический совет.

— Пожаловаться?

Об этом я слышал впервые. Жаловаться в ученический совет? Зачем Кирюин идти по такому пути?

— Кстати, Кирияма, смотрю, ты еще Аянокоджи позвал.

— Он был одним из присутствующих в тот момент, вот почему я счел это необходимым. Решение принимал на основе того, что распространение сомнительных слухов о ситуации может принести хлопоты.

— Что ж, как скажешь. Повезло нам, конечно: удастся воочию увидеть первый выход на сцену Сузуне, — сказал Нагумо, после призвав сесть Хорикиту в кресло президента ученического совета.

— Тогда с позволения... — ответила она вежливо и села на свое место.

— А Кушиду, значит, выбрала вице-президентом?

— Да. Я еще думала спросить Агу-куна с первого года обучения, кто уже состоял в совете, но у Кушиды-сан есть более глубокое понимание школы, поэтому решила, что выбор в пользу нее будет уместнее. С этим какие-то проблемы?

— Нет. Какие еще у меня могут быть претензии к выбору президента ученического совета.

Хорикита, теперь президент совета, и Кушида, выбранная на роль вице-президента, заняли места с серьезным выражением лиц, на которых не было ни намека на веселье.

— Вот же кому смелости не занимать, сама тут все устроила, еще и опаздывает, — заметил Нагумо.

Кирюин Фука, последний участник совещания, вошла в кабинет лишь спустя несколько минут.

— Надеюсь, не сильно ждать заставила, новоиспеченный президент ученического совета.

— Прошу, присаживайся.

— Нет, спасибо. Я, наверное, постою. Можно ведь?

— Поняла. Итак, давай сразу к делу, Кирюин-семпай, я бы хотела разузнать об инциденте.

— Спрашивай что угодно.

— Судя по всему, ты собираешься подать жалобу в ученический совет, так вот, мне нужны подробности, — сказала Хорикита, продолжая делать вид, будто ни о чем не знает.

— Жалобу? — в любопытстве склонила голову Кирюин.

Однако к ней сразу обратился Кирияма:

— Из-за твоего опоздания мы уже потеряли много времени. Давай ближе к делу.

— Ого, да ты сама нетерпеливость. Ладно, объясню все еще раз.

После занятий Кирюин зашла в магазин в торговом центре Кёяки, где ее практически ложно обвинили в краже из-за Яманаки из класса 3-D. К счастью, обошлось, поскольку она заметила, как вещь пытались засунуть в сумку, и помешала ей. Обвинение в магазинной краже по итогу оказалось лишь попыткой.

— И мне сложно поверить, будто Яманака сделала это из личной неприязни. — Кирюин бросила взгляд на Нагумо. — Я надавила на нее, и она призналась, что кое-кто дал ей указания совершить неправомерное действие.

— И кто же?

— Присутствующий здесь бывший президент ученического совета, Нагумо Мияби.

Ученики с первого года, не знающие про инцидент, изумленно посмотрели на Нагумо.

Кирюин Фука стала центральной фигурой в некоторых событиях. Вернее, в разбирательствах. Вопрос в том, по воле Яманаки это было совершенно или по чьей-то еще. Если первое, то необходимо выслушать обстоятельства, а затем наказать. Если последнее — найти истинного виновного.

Пожалуй, сейчас можно убедиться своими глазами, сможет ли новый президент ученического совета благополучно сделать первые шаги.

— Я услышала тебя, Кирюин-семпай. Нагумо-семпай, возражения будут?

— А как же. Кирюин, без обид, но я не давал Яманаке подобных указаний. Тем более, если бы об этом стало известно остальным, доверие ко мне было бы подорвано. Мне от такого никакой пользы.

— Да ладно? Сколько помню, ты постоянно жаждал состязания со мной. Но за три года я ни шанса тебе не дала. Обиделся, значит? Или, возможно, решил спровоцировать, чтобы я наконец-то приняла вызов?

С того раза ничего не поменялось: каждый оставался при своем.

— Не спорю, мне действительно было интересно сразиться с тобой. Но этот интерес давно сошел на нет, ведь у тебя ни разу не появлялось мотивации пошевелить и пальцем.

— Фу-фу-фу, неужели?

Один отказывался принимать доводы другого.

— Кирияма-семпай, ты одноклассник Кирюин-семпай, а также довольно продолжительное время поддерживал Нагумо-семпая на посту вице-президента. Можно услышать твое мнение после того, как ты выслушал обе стороны? — спросила Хорикита у Кириямы, определив его как близкого человека со стороны.

— Мне понятно негодование Кирюин из-за того, что ее почти ложно обвинили в магазинной краже. Вместе с тем Нагумо не причастен, по крайней мере я так считаю. Подойди он к делу серьезно, выбор пал бы на более результативные методы.

— А ты Нагумо-то не слишком переоцениваешь? — ухмыльнулась Кирюин, приложив руку к бедру. Она явно пыталась спровоцировать Кирияму.

— Нет, учитывая, чего достиг Нагумо в этой школе.

— Хорошо, почему тогда Яманака-семпай попыталась подстроить этот инцидент? Может быть, она по неизвестной причине затаила злобу на Кирюин-семпай? И если так, то зачем возлагать вину на Нагумо-семпая? Каковы мысли на этот счет?

— Всей правды я не знаю, но мне тоже довольно трудно поверить, что Яманака поступила так исключительно по своей воле.

— То есть она не преступник-одиночка?

— Яманака среди третьегодок в касте слабых. Пусть это не Нагумо, но я допускаю, что ею могли манипулировать в обмен на приватные баллы.

Кирияма неотступно утверждал, что, по его мнению, виновен не Нагумо или Яманака, а некая третья сторона, скрывающаяся за кулисами.

— Если так, то надо начать искать настоящего преступника.

— Надо. Но это будет непросто. Под давлением Кирюин она созналась неискренне и упомянула Нагумо. А для такого поступка нужна определенная решимость.

— Знаешь, почему, Кушида-сан? — спросила Хорикита внимательно слушающего вице-президента.

— Попытка возложить вину на Нагумо-семпай, будучи ученицей третьего года, обернется катастрофой для самой Яманаки-сан. Тем не менее раз она так поступила... значит, заиклена на том, чтобы покрыть настоящего виновного.

— Именно. Выходит, она больше опасается не Нагумо, а того, кто за этим стоит.

— Не понимаю. Ума не приложу, кого будут бояться больше Нагумо? Вы что, хотите себя убедить в наличии истинного виновного?

Кирюин сомневалась в Нагумо и относила Кирияму в число его союзников. Вероятно, недоверие только усилилось, когда зашла речь о невероятно трудных поисках того, кто за этим стоял, по сути, признавая тем самым поражение.

— Ты вроде сама из кожи вон лезешь, лишь бы обвинить меня, или я чего-то не понимаю?

— А других кандидатов нет, вот почему.

— Можете, пожалуйста, утихомириться? Ясно же, что этим вы ничего не решите, — произнесла Хорикита.

Как и раньше, разговор между Кирюин и Нагумо зашел в тупик.

— Кирияма-семпай, если бы ты был на моем месте, как тогда поступил бы?

— Необходимо пресечь дальнейшие дознания и преследования. Однако Яманака совершила недопустимый поступок, хоть и закончилось все лишь попыткой. Пусть еще раз извинится перед Кирюин и выплатит достаточно денег в качестве компенсации. По моему мнению,

весьма адекватные меры.

— Выходит, сообщать школе не нужно?

— Нужно, если только Яманака действовала одна. Если сообщить сейчас, при том, что истинного виновного мы не нашли, всю ответственность понесет она же. Ведь так?

— Получается, что так. А если школа и проведет свое расследование, не факт, что настоящего преступника удастся отыскать.

Вполне логично прийти к заключению о непричастности Нагумо, но вот сойдет ли оно за компромисс?

— Я всего-то хочу извинений от настоящего виновного, неужели многого прошу?

— Предположу, что добиться этого будет невозможно. Или в самом деле рассчитываешь отыскать виновника? За последние несколько недель я ничего нового не услышал. Может, ты успела заполучить полезную информацию от запуганного Анзая, к которому применила физическое насилие?

В ответ на слова Кириямы, некогда исполнявшего обязанности вице-президента, Кирюин пожала плечами. До травм вряд ли дошло, но таким нападением она вплотную подошла к черте, это точно. Если об этом узнают, у Кирюин возникнут неприятности, даже несмотря на некоторое понимание причин ее поступков.

— Аянокоджи-кун, ты ведь недавно общался с Асахиной-семпай, не так ли?

Тут Хорикита решила наконец-то упомянуть о том, о чем было сказано ранее. Когда всплыло имя Асахины, молчавший по требованию Нагумо, будучи в близких отношениях с этим человеком, метнул взгляд на меня.

— С помощью Асахины-семпай я узнал о ситуации на третьем году обучения. О навязанном Нагумо-семпаем соглашении, об отношениях между учениками. И также постарался вывести, кто и о чем думает по этому поводу.

— Так вот, перед тем, как войти в кабинет ученического совета, я выслушала подробное донесение от Аянокоджи-куна. И он узнал кое-какие детали об Яманаке-семпай из разговора с Асахиной-семпай.

— Да? Надо же, оправдываешь ожидания, Аянокоджи.

Кирюин об этом также было сообщено заранее, но она повела себя так, будто слышала

впервые.

— Ты обратилась к Аянокоджи, Кирюин?

— А что, Нагумо, ты чем-то недоволен?

— Нет. Просто, если... — Нагумо одернул себя, хотя явно намеревался высказаться. — Простите. Сузуне, можешь продолжать, не обращай внимания. Это ведь твое первое дело на посту президента ученического совета.

Он вновь всем видом дал понять, что будет молчать и обойдется без глупостей.

— Похоже, Аянокоджи-куну не удалось встретиться с Яманакой-семпай, вместо нее пришел другой человек. Тачибана-семпай из того же класса 3-D. С какой стати заявился тот, кто к делу вроде как отношения не имеет? На мой взгляд, чтобы не дать Яманаке-семпай рассказать правду.

— Считаешь, есть некая связь между Тачибаной и Яманакой? — спросил Нагумо Хорикиту, словно ни о чем не знал.

— Аянокоджи-кун говорит, что попросил Тачибану-семпая рассказать правду и ответ был тем же. Что это ты дал указания подложить вещь в сумку Кирюин-семпай.

— Разумеется, ничего подобного я с Тачибаной не обсуждал. Более того, не помню, чтобы в последний месяц вообще с ним говорил. Вот он как раз может оказаться истинным виновным.

— Ага, кто бы сомневался, что ты так скажешь, — резонно вернула Кирюин Нагумо.

— Кирюин-семпай, может, ты тесно связана с Тачибаной-семпаем?

— Я вообще никак с ним не связана. С Нагумо у меня и то больше точек соприкосновения, скажу так.

— Таким образом, мотивов у него еще меньше, чем у Яманаки-семпай, чтобы считать его настоящим преступником.

— Получается ли, что указания дали как Яманаки-семпай, так и Тачибане-семпаю? — спросила у Хорикиты Нанасе, которая вела протокол заседания.

Та, однако, на вопрос не отвечала. Что весьма, наверное, удивило остальных, поскольку рассчитывали они на немедленный ответ.

— Донесение же на этом не заканчивается? Расскажи нам остальное, президент ученического совета.

Хорикита молчала даже после призыва Кирюин.

Оно и понятно. Ведь о самой сути я уже не рассказывал. Ограничился только информацией от Асахины и Тачибаны, полученной в тот день.

Если она попросит помочь, я это сделаю. Только перед этим мне бы хотелось посмотреть, сможет ли Хорикита прийти к какому-либо заключению.

— Нагумо-семпай утверждает, что он невиновен. Яманака-семпай и Тачибана-семпай говорят, что указания следовали от Нагумо-семпая. Получается явное противоречие.

— Кто-то из них лжет.

— Такой вывод напрашивается сам собой. Но я бы хотела довериться показаниям двух сторон.

— Трудно довериться, когда тут явное противоречие, разве нет? — пробормотала Нанасе, закончив запись. Она продолжала вести протокол.

— Трудно — было бы. Но если никто не лжет? Если допустить, что при добавлении определенного условия никакого противоречия не будет? — Хорикита по ходу разговора, судя по всему, пришла к кое-какому варианту. — Тачибане-семпаю истинный виновный передал, что Нагумо-семпай велел выполнить некое дело. Он и Яманака-семпай продолжают настаивать на своем, потому что верят, что запрос им дал именно Нагумо-семпай. Однако деяние преступное. Первым делом хорошо бы для начала убедиться в правильности указаний при личной встрече, ведь так?

В такой ситуации вполне нормально затребовать обещание или гарантии вознаграждения.

— Но встречи не было. Почему? Возможно, потому, что истинным виновным оказался человек, достойный доверия как Яманаки-семпай, так и Тачибаны-семпая. Представитель Нагумо-семпая. Тот, у кого есть влияние.

И в школе есть только один человек, который мог бы говорить от его лица.

— В этом инциденте... закулисными делами на самом деле заведовал... вовсе не Нагумо-семпай, а бывший вице-президент Кирияма-семпай. Это ведь был ты, не так ли?

Все разом посмотрели на Кирияму.

— Я? На чем основан твой вывод? — спокойно поинтересовался он причиной, почему было упомянуто его имя.

— Неужели не понял из объяснения? Мы только что упорядочили информацию, и напрашивается именно такое заключение.

— Сведения от Аянокоджи могут оказаться недостоверными. Мне уже обещан Нагумо билет в класс А. Я ни за что не стал бы вызывать мятежи или что-то в этом духе.

Кирияма продолжал защищать себя, но за него вступился один человек, что стало полной неожиданностью:

— Я нахожу очень интересными твои рассуждения, президент ученического совета, однако с Кириямой все же соглашусь. Есть одна очень веская причина не сомневаться в нем. У одомашненной псины не хватит смелости укунить хозяина.

— В таком случае надо ли мне пригласить Яманаку-семпай и Тачибану-семпая в качестве новых свидетелей? — добивалась Хорикита подтверждения и разрешения у Нагумо.

— Президент ученического совета — ты. Поступай, как считаешь нужным.

— Вот как.

— Постой, — вмешался Кирияма. — Эти свидетели знают, что их собираются вызвать сюда?

— Нет. Я свяжусь с ними сейчас и согласую диалог.

Кирияма смотрел на Хорикиту, затем перевел взгляд на вовлеченного в дело меня.

Если бы не всплыла теория о том, что истинным виновным является Кирияма, он смог бы выдержать бурю, не привлекая к себе внимания. Однако что есть, то есть, и теперь, чтобы развеять сомнения, шквал вопросов неизбежен.

Когда все ключевые персонажи истории соберутся в одном месте, смогут ли два человека без предварительного сговора скрыть участие Кириямы? В такой ситуации будет очень непросто лгать дальше и скрывать правду.

— У тебя есть какие-то возражения? — спросила Хорикита Кирияму.

Если нет желания, чтобы кто-то посторонний вывалил правду, вывали ее сам. Это самый быстрый и простой способ.

— Просто...

— Чего оробел вдруг, Кирияма? Будь спокоен, ты ведь не имеешь к этому никакого отношения, — легкомысленно заверил Нагумо, но в его взгляде читался некий замысел.

Похоже, он до этого момента не подозревал Кирияму, однако все же ощутил изменение в ситуации.

— Ладно... Давайте на этом остановимся, — смиренно произнес бывший вице-президент, осознав, что его прижали к стенке.

— Что это значит?

— А то, что нет необходимости вызывать свидетелей. Это признание: Тачибану инструктировал я.

— Так значит преступник — ты, — произнесла Кирюин. — Ну рассказывай, ради чего устроил весь этот спектакль?

Уже приготовился к худшему? В любом случае по поведению Кириямы нельзя было сказать, что он паникует.

— Я плохо поступил с тобой, Кирюин, но так надо было ради моей цели.

— Обязательно было вовлекать именно меня?

— Тачибана очень охотно взялся за работу, за которую, как якобы передал Нагумо, можно получить баллы. Вторым триместром уже подходит к концу, из-за чего он начал сильно нервничать. Он даже на секунду не засомневался.

Доверие было не без причины — все-таки сообщение передавал вице-президент Кирияма, близкий к Нагумо.

— Выдуманное задание состояло в следующем: если у него получится обвинить Кирюин в магазинной краже, да так, чтобы та ничего не заподозрила, будет выдан билет в класс А. В случае неудачи билет, конечно, не достанется, но баллы все равно выплатят.

— Слишком наглая ложь. Если бы Яманака преуспела, твоей сказке очень быстро настал бы конец.

Нагумо прав. Тачибана и Яманака тут же отправятся к нему за билетом. И весть о том, что

Кирияма соврал насчет указаний, распространится в мгновение ока.

— Мне прекрасно известны характер и способности Кирюин, ученицы, с которой я проучился в одном классе целых три года. Я сделал вывод, что кто-то вроде Яманаки не сможет остаться незамеченным.

И вот почему выбор пал на Кирюин. Он подобрал тех, с кем дело ни за что не выгорит.

— То есть ты с самого начала понимал, что это вскроется. Но объясни-ка вот что. Как-то у тебя все запутанно вышло лишь для того, чтобы позлить меня, тебе от этого никакой выгоды.

— Это только если считать целью обвинить Кирюин-семпай в магазинной краже. На самом деле она заключается не в этом, — кивнула про себя Нанасе, пока записывала информацию в журнал протоколов.

— Да. Когда ты начала бы осаждать вопросами Яманаку, должно было всплыть имя Нагумо, а после, уверен, ты обратилась бы ко мне, своему однокласснику, чтобы назначить встречу для личной беседы. Моя настоящая цель — подстроить время этой встречи.

Я сразу понял задумку Кириямы, поскольку в тот раз присутствовал на встрече.

— Выборы ученического совета. Выходит, Кирияма-семпай намеревался сорвать их, не дав начаться.

— А ты догадливый, Аянокоджи. Все-таки не зря на тебя Хорикита-семпай глаз положил. — Нагумо, разобравшись в ситуации, также понял смысл и цель действий Кириямы. — Ты хотел разворошить прошлое Хонами с магазинной кражей и заставить ее отказаться от выборов?

— Да. Я мог бы и лично указать на проблемы прошлого, но посчитал, что этого не хватит. Еще у меня был расчет, что Кирюин, неприязненно относящаяся к таким преступлениям, начнет беспощадно бросаться оскорбительными словами, которые обязательно заденут ни о чем не догадывающуюся Ичиносе.

Изумленная Кирюин слегка поаплодировала Кирияме:

— По-видимому, должна признать, у тебя весьма искусно получилось манипулировать мною. Твоя взяла, Кирияма.

Равняясь на Хорикиту Манабу и будучи правой рукой Нагумо на должности вице-президента, цель и расчеты Кириямы, похоже, оказались верны. Он воспользовался Кирюин, чтобы ранить гордость Ичиносе, и заставить ее думать, будто совсем не годится на должность президента ученического совета, выставив это как случайное стечение обстоятельств. Кирюин едва ли уступала Хориките Манабу по части способностей, однако она эксцентрична и человек без

друзей, держащийся обособленно. Что очень важно в информационной войне.

В своей стратегии Кирияма учел как характер Нагумо, так и Кирюин.

— Однако неожиданным стал тот факт, что Ичиносе на этом этапе уже решила выйти из ученического совета. Узнай я об этом раньше, и не пришлось бы рисковать.

Тогда бы выборы совета прошли в пользу Хорикиты даже без инцидента с магазинной кражей.

— Ну и почему ты так поступил, Кирияма? Зачем тебе было рисковать и срывать выборы ученического совета?

— Будто сам не понимаешь, Нагумо. Не смог стерпеть твой эгоизм. Вот что было бы, если Ичиносе не захотела выходить из совета, а выборы прошли, как изначально задумывались? Ты так сильно жаждал сразиться с Аянокоджи, что поставил на кон целую кучу частных баллов. И, уверен, даже не засомневался бы потом, когда начал подкупать голоса за те же баллы, лишь бы добиться победы.

Нагумо действительно располагал огромными средствами. Столкнувшись с трудностями, он вполне мог реализовать стратегию с подкупом голосов, ничего удивительного в этом не было бы.

— Все равно не понимаю. Какая тебе разница, сколько денег я еще потрачу, ты и так в выигрыше.

— Какая разница? Да, я получил от тебя билет в класс А. Но ты хоть задумывался, каково мне? Мне — тому, кто каждый день имеет дело с товарищами из класса, которые завидуют и ненавидят? Невыносимый опыт, вот что я тебе скажу. — Кирияма, чего раньше за ним не наблюдалось, гневно уставился на Нагумо. — Направь ты частные баллы на других учеников третьей параллели, а не сливай на развлечения, и можно было бы спасти чуть больше людей, переместив их в класс А. Но что вместо этого ты сделал? — потакая своему эгоистичному желанию сразиться, просто растрачивал частные баллы третьегодок, полученные кровью и потом? Это самый дурацкий поступок, на который ты только мог пойти.

Не дать излишне потратить частные баллы. Вот в чем заключалась цель Кириямы.

— А я и понятия не имел, Кирияма. Чтобы ты — и заботился о ком-то? Мне казалось, что шайка, которым я даю билеты, целиком и полностью состоит из самовлюбленных талантов, заикленных лишь на выпуске из класса А.

Нагумо, словно впечатленный его действиями, похвалил Кирияму. Только все ли примут его слова за комплимент — вопрос спорный.

— Сначала Хорикита-семпай, теперь Аянокоджи. Точно наблюдать за очередным бессмысленным состязанием, только уже на третьем году.

— Да я понял, о чем ты говоришь. Но ты предал меня, а значит, готов к последствиям, я же правильно понимаю?

За Нагумо числилось право лишить его привилегий. Если Кирияма пошел против, билета у него не будет.

— В договоре все прописано. Поступай, как знаешь.

— Ну что, тогда предоставляю Нагумо разбираться с Кириямой. По-моему, достаточное наказание, — заключила Кирюин, после чего живо направилась в сторону выхода из кабинета ученического совета.

— Поймай, Кирюин-семпай. Мы еще не закончили.

— Свою работу ты вроде как уже сделала, президент ученического совета, разве нет?

— Нет, не до конца. Дело было передано в ученический совет. А значит, у Нагумо-семпая нет прав разбираться с Кириямой-семпаем. Кроме того, не все вопросы были решены.

— Не все? Еще что-то осталось?

— Что мы имеем: Кирияма-семпай попытался обвинить Кирюин-семпай в совершении магазинной кражи. Затем, когда преступление было выявлено, он передал дело в ученический совет. Сделано это было с целью сорвать выборы: магазинная кража всколыхнула болезненные воспоминания Ичиносе-сан, что вынудило ее отказаться от выдвижения своей кандидатуры.

Учитывая признание, ее гипотеза пока не является ошибочной

— Но так рисковать не было необходимости. Остановить выборы можно и другими методами. То же прошлое Ичиносе-сан с магазинной кражей, если он хотел им воспользоваться, мог бы просто связаться с ней лично и убедить отказаться. Так было бы надежнее и безопаснее.

— Хочешь сказать, что Кирияма... вряд ли не догадался бы до такого решения?

Заинтригованная, Кирюин вернулась на свое место.

— Вот нерешенный вопрос: почему он пошел на такой риск? Возможно, потому, что сегодняшнее разоблачение Кириямы-семпая, как истинного виновного, тоже было задумано?

Кирияма молча смотрел на президента ученического совета, Хорикиту, не отвечая на вопрос.

— Я думаю, он хотел обнародовать сегодня этот инцидент, за которым сам же и стоял. Сюда ведь пришла не только я, собрались все члены ученического совета. Даже Аянокоджи-куна пригласили. Насколько помню, в самом начале было сказано, что это Кирияма-семпай так распорядился, верно?

Первая мысль — именно Кирюин рассчитывала обратиться с жалобой в ученический совет, однако, войдя в кабинет и услышав вопрос Хорикиты, она непонимающе наклонила голову. А непонимающе, потому что так задумала не она, а Кирияма. Это он вмешался и увел разговор от этого вопроса.

— Знаешь, Хорикита, это так странно. Смотря на тебя, я на мгновение ощутил присутствие Хорикиты-семпая, — похвалил он президента ученического совета за правильный ход мыслей. — Насколько действенным окажется метод я не знал, но да, все так. Недовольных Нагумо с каждым днем все больше. Даже если бы я поговорил с ним на этот счет, он бы просто не стал слушать. Так, Нагумо?

— Возможно.

Он не стал отпираться, скорее, только подтвердил. Должно быть, такое было уже не раз и не два.

— Как-то так, Нагумо-семпай. Подход, конечно, сомнительный, но вот вся правда.

— И что собираешься делать, Нагумо? — спросила Кирюин. — Возложишь всю ответственность за свои эгоистичные выходки на Кирияму?

— Ну, так-то я считал, что к инциденту не имею никакого отношения, но теперь, после всего услышанного, сказать так уже не могу.

Я задался вопросом, к какому заключению он пришел, как Нагумо вдруг перевел взгляд с Кириямы на Хорикиту.

— Твоя заслуга в том, Сузуне, что ты выяснила правду. Поэтому и решать, как поступить с этим делом ученического совета, должна ты.

— Ты не против?..

— Не ради украшения же ты сидишь в своем кресле? Я буду придерживаться твоего решения.

Так что же решит Хорикита, наблюдавшая за всем происходящим?

— Говорю как президент ученического совета. Для начала, Кирияма-семпай, ты должен искренне извиниться перед Кирюин-семпай. Далее, уверена, следует со всей серьезностью отнестись к тому факту, что ты, какими бы ни были обстоятельства, пытался ложно обвинить другого человека в преступлении при участии Яманаки-семпай и Тачибаны-семпай, не имеющих к делу никакого отношения. Однако, если доложить школе об инциденте, последствия будут очень тяжелыми, вместо этого я хочу, чтобы ты на целую неделю добровольно перестал посещать школу с целью обдумывания своих поступков.

Ученический совет не имеет права отстранять ученика от занятий или исключать из школы. Даже если суждение уже вынесено, одобрение школы все еще имеет первостепенное значение. Потому и добровольный отказ от посещения занятий. То есть ему нужно под любым предлогом — например, притвориться больным — оставаться в общежитии и размышлять над своими поступками.

— Теперь что касается Нагумо-семпай. Прямую ответственность ты не несешь, зато на тебя налагается управленческая ответственность из-за заключенного контракта. Я понимаю, что у тебя есть право лишить Кирияму-семпай привилегии перейти в другой класс, однако, пожалуйста, пообещай так не поступать в этот раз.

— Весьма смелая просьба.

— Можешь отказаться. Но ты ведь сам сказал, что будешь придерживаться моего решения, так?

— Мне бы не хотелось сильно упрекать Кирияму за проступок, и все же спрошу: на этом все?

— Нет. Если ограничиться только этим, не факт, что в будущем не повторится что-то похожее. Я хочу добавить еще одно условие: впредь приватные баллы третьегодок должны тратиться исключительно в их же интересах.

До сих пор Нагумо со своего трона поступал, как вздумается. Уверен, он успел потратить огромную сумму приватных баллов без нашего ведома на игры с огнем с Хорикитой Манабу и другими параллелями. Ее распоряжение после вступления в силу направлено на запрет подобных решений.

— Если таково намерение ученического совета, я подчинюсь.

— Больно ты легко согласился, Нагумо, — произнесла Кирюин. — Мне почему-то казалось, что ты не примешь такое условие.

— По сути, Сузуне... в смысле, президент ученического совета говорит справедливые вещи.

Она справлялась с должностью президента лучше, чем я предполагал.

— И тебя правда это устроит, Нагумо? Своим влиянием и возможностями ты запросто можешь сокрушить меня.

— Так решил президент ученического совета. Глупо идти против.

Или, быть может, он просто признал Кирияму, когда тот показал свой истинный характер?

— Ты серьезно намерен этим все уладить?

— Из этого инцидента я кое-что вынес. Не судьба, видимо.

Выражение лица Нагумо приобрело скучающий вид, словно он с чем-то смирился. Но говорить об этом желания у него явно не было. По Кирияме, напротив, не скажешь, что он примирился с положением дел или что был рад всплывшей наружу правде. Было что-то другое в его взгляде. Увидеть это сложно, но он словно загадывал наперед.

— На этом дело закрыто. Всех присутствующих попрошу не распространяться о нем.

С этими словами президента ученического совета инцидент был разрешен. Но неясно, действительно ли этим все и закончится. Ведь что-то же таил в себе тот взгляд Кириямы.

Часть 2

На следующий день после специального экзамена прошла церемония окончания второго триместра. Сперва учителя выступили с речью в спортзале; по возвращении в класс прошло короткое торжество учеников, отличившихся в клубных мероприятиях, а после нам дали наставления насчет времяпрепровождения на зимних каникулах.

Затем Чабашира-сенсей объявила результаты специального экзамена. Все при этом затаили дыхание, и... Победил наш класс. В эту минуту ликование могли услышать и в соседних кабинетах.

Класс-победитель получал всего пятьдесят очков, проигравший — лишался их. Это было немного, но для нас они оказались важны.

Практически сразу после объявления на мой телефон пришло два сообщения. Одно от Ичиносе: «Поздравляю». А второе...

— Завтра начинаются зимние каникулы. Главное, не уходите в отрыв в первый же день, но и не забудьте дать голове отдохнуть после учебной лихорадки.

Восторг в классе не утихал, и на этом Чабашира-сенсей решила нас отпустить. Выходила из класса она также с довольным выражением лица, что оставило сильное впечатление.

Стоит заметить, нас заранее предупредили, что на этом специальном экзамене любой ученик с каждого класса может просмотреть в подробностях, кто какие вопросы решил правильно. Также стала общедоступна информация о порядке сдачи и затраченном времени. Это поможет не только понять, кто и сколько усилий приложил, но и вывести стратегию, примененную классом.

Информация, несомненно, сыграет на руку как союзникам, так и соперникам.

Поскольку все детали можно посмотреть через телефон, я решил отложить внимательное изучение на потом. Ученики лихорадочно принялись проверять результаты, так что я был первым, кто вышел из класса.

Я еще с утра заметил, как Кей обеспокоенно поглядывала на меня. Вчера момент был упущен, с тех пор я не услышал от нее ни слова. Однако она явно хотела поговорить, судя по постоянно ищущему взгляду.

И если ей трудно прилюдно подойти ко мне, значит, нужно перейти в другое место. Только Кей была в том состоянии, что даже так она не могла набраться решимости. Получалась безвыходная ситуация, ведь если продолжу оставаться отчужденным, дело вряд ли сдвинется с мертвой точки.

Вот о чем я думал, когда выходил из класса...

— Собираешься один возвращаться?

Последовала за мной в коридор вовсе не Кей, а Хорикита.

— А ты? Нехорошо получается, когда ключевая фигура, приведшая всех к победе, тихо выскальзывает из класса.

— Я вернусь к ним позже. Просто хотела переговорить с тобой, — сказала она, поравнявшись со мной.

Я не заметил у нее сумки, так что, видимо, она действительно после вернется в класс.

— Интересную стратегию ты придумала на специальный экзамен.

— Я, правда, не знаю, была ли задумка самой эффективной...

Стратегия Хорикиты. Первым этапом ее реализации была отправка разбираться с заданиями Кейсея. С оценкой А по академическим способностям его успеваемость была одной из лучших на всей нашей параллели. Кейсей должен был решить минимальное количество заданий как можно быстрее и за оставшееся время сосредоточиться на прочтении вопросов.

Цель заключалась в том, чтобы ожидающий своей очереди второй ученик с низкими академическими способностями решал простые задания.

Стратегия подразумевала чередование преуспевающих и отстающих. Однако реализовать ее в обычных условиях нельзя, поскольку разговаривать во время экзамена запрещалось, как и пользоваться телефонами или вести любого рода записи.

Тем не менее это вовсе не значит, что возможностей вообще не было, результаты говорят сами за себя.

Пока один ученик решает задания в кабинете, другой должен ожидать своей очереди в коридоре. Иначе говоря, первый, закончив записывать решения, на выходе столкнется со вторым.

В кабинете предусмотрено две двери: если та, что в передней части помещения, используется для входа, а в задней — для выхода, то между учениками будет весомое расстояние, однако Хорикита придумала, как можно это обойти.

Все, что требуется, так это визуальное наблюдение. В этот момент один жестами рук подсказывает второму, какие задания следует решать. Например, для указания на пятьдесят пятое надо вытянуть правую руку и дважды разжать-сжать кулак. На шестьдесят девятое — вытягиваешь обе руки, разжимаешь сначала шесть пальцев, потом девять.

Правилами воспрещалось подсказывать ответы, однако Хорикита заранее спросила и получила подтверждение, что жестами указывать на номера заданий можно. Это не подпадает под понятие обмана, плюс соблюдается правило насчет разговоров.

Таким образом, ученикам с более низкими академическими способностями не приходилось выискивать подходящие задания, они могли полностью сосредоточиться на выведении решения.

— Но на пятки нам все же наступали. От класса Сакаянаги-сан другого ждать и не приходится... Мы выиграли по общему баллу, поскольку имеем больше учеников с невысокими академическими способностями, но процент правильных решений выше все же у них.

У класса Хорикиты этот показатель составил семьдесят два процента, тогда как у класса Сакаянаги — восемьдесят шесть. Если бы экзамен проводился в тех же условиях, но баллы распределялись должным образом, Хорикита, скорее всего, проиграла бы.

— Должно быть, ей досадно, — заметила Хорикита. — Сделать все, что было нужно, и все равно проиграть...

В промежуточных и письменных экзаменах первое место сохранялось за Сакаянаги, этот раз исключением не стал.

— Может, правильных ответов у нас меньше, но победа есть победа. Не нужно предаваться пессимизму.

На деле класс Хорикиты получил очки, а класс Сакаянаги их лишился.

Кроме того, семьдесят два процента правильных ответов все еще впечатляют.

— Разумеется, пессимизмом я не страдаю. Меня просто это расстраивает.

Похоже, поддержка была не нужна. Сейчас в ней, скорее, преобладал дух соперничества.

— Кстати, Каруизава-сан с недавних пор кажется подавленной. К учебе она подходила со всей серьезностью, но что-то все же случилось?

— Нет, ничего. Ну, может, я назвал бы это небольшой холодной войной, как-то так.

— Тогда не говори, что «ничего». Ссоры ведь не в порядке вещей.

— Но в длительных отношениях между парнем и девушкой они возникают. Зато неплохой опыт.

Судя по нахмуренным бровям и неприкрытому недоумению, Хориките, видимо, мой ответ не очень-то понравился.

— Хорошо же получилось: даже несмотря на подавленность, она добилась кое-каких успехов на учебных сессиях и экзамене.

— А если посмотреть с другой стороны, она могла спастись от тревоги, уйдя с головой в ненавистную ей учебу... Настроение Каруизавы-сан довольно легко влияет на сам класс. Лучше помириться как можно скорее.

Для лидера, вероятно, предпочтительнее управление стабильным классом... Впрочем, ладно. Проводив взглядом Хорикиту, которая возвращалась в класс, я решил пойти, наконец, к себе.

Уверен, победа Хорикиты над Сакаянаги на прошедшем специальном экзамене мгновенно станет горячей темой для обсуждений. Хотя состязание не было исключительно по части академических способностей, и пускай оно включало элемент вертикали «ОИС», все-таки это была победа в прямой конфронтации.

Итоговые экзамены ждали нас впереди, но уже сейчас разрыв между классами Хорикиты и Сакаянаги удалось сократить на сто очков. Класс Рьюена, между тем, столкнулся с трудностями. Они придерживались стратегии оказания внешнего давления, поскольку осознавали, что не смогут победить в соревновании академических способностей, однако Ичиносе спокойно перенесла беспорядки и одержала уверенную победу.

Может, после ухода из ученического совета в ней и видна эмоциональная нестабильность, но не похоже, чтобы она была сломлена окончательно.

Однако, что касается решения Рьюена, назвать его ошибкой нельзя. Можно подумать, что ему следовало бы велеть своим одноклассникам сесть за учебу, как поступила Хорикита. Тем не менее она уже давно закладывала основу, и у класса Рьюена в этом плане должно быть меньше возможностей для роста, а значит, вероятно, им было бы очень трудно наверстать упущенное за короткий период обучения.

Одержав победу в условиях, когда оставалась лишь крошечная частичка надежды, класс Ичиносе сохранил небольшой шанс подняться до класса А, в итоге битва четырех классов была перенесена на третий триместр.

Я переобулся и вышел из здания школы, на выходе меня уже кое-кто ждал.

— Извини, что оторвала тебя от дел в день проведения церемонии окончания триместра.

Это был человек, связавшийся со мной сразу после объявления результатов экзаменов и попросивший о встрече. Сакаянаги из класса 2-А.

— А про Ичиносе я не был в курсе.

В одном месте каким-то образом собрались два человека, отправившие мне сообщение.

— В чем дело, Сакаянаги-сан?

Судя по всему, Ичиносе про меня тоже ничего не сказали, выглядела она удивленной.

— Давайте пройдемся немного, здесь мы привлечем слишком много внимания.

Понятное дело, через парадный вход пройдет много учеников, возвращающихся из школы.

— Аянокоджи-кун, прежде всего, позволь поздравить с победой на прошедшем специальном экзамене.

— Победа хоть и досталась нам в этот раз, но на обычном письменном экзамене мы бы проиграли.

— Ты о проценте правильных ответов? Что есть, то есть. По крайней мере это не меняет того факта, что я проиграла.

Она вовсе не скромничала, скорее, искренне принимала результат после того, как сделала все от нее зависящее. Из чего также можно увидеть уверенность в положении класса А.

— Ичиносе-сан, твоя победа над Рьюеном-куном тоже впечатляет.

— Мы просто делали то, что должны были. Ничего особенного.

— Я нахожу занимательным уже то, что вы не поддались на срывы Рьюена-куна и остальных. По правде говоря, изначально я оценивала ваши шансы как равные. Однако закончилось все громкой победой твоего класса, Ичиносе-сан. Мое мнение, что так вышло благодаря четким указаниям лидера, сохраняющего спокойствие и уверенность.

Похоже, Сакаянаги также видела в Ичиносе решительный боевой настрой. Дело было не только в простой разнице академических способностей, для нее эта победа была достигнута в том числе благодаря невозмутимости.

— Ты так считаешь? А все же приятно слышать похвалу от тебя, Сакаянаги-сан.

— Еще ты стала целеустремленной как никогда раньше, Ичиносе-сан. Полагаю, это связано с недавними событиями.

Судя по тому, что она позвала еще и меня, она, вполне допускаю, действительно могла о чем-то догадаться.

Сакаянаги не может собирать сведения на своих двоих, а значит, она должна использовать ворох учеников, сделав из них подобие информационной сети.

Поход в тренажерный зал на выходных. Проведенное в кафе время. Прогулка. Тот день, когда Ичиносе ждала перед дверью моей комнаты. Было бы неудивительно, если кто-нибудь засвидетельствовал сразу несколько событий.

— Помнишь, о чем мы тогда говорили на лайнере? — обратилась Сакаянаги к Ичиносе, а не ко мне.

— Да. «Если ты сильно увлечешься, то можешь пораниться». Как-то так.

— Правильно. И вас двоих я пригласила по определенной причине. Это последнее предупреждение для той, кто питает пока еще слабые чувства к Аянокоджи-куну.

Ничего удивительного, но, похоже, она узнала о влюбленности Ичиносе.

— Ты должна немедленно дистанцироваться от него.

— Последнее предупреждение, говоришь, Сакаянаги-сан?

Об этом было сказано вновь, и тем не менее о том, кто ей нравится, поведал посторонний человек. При обычных условиях Ичиносе хотя бы немного, но все же занервничала бы, однако не в этот раз.

— Последнее.

— Не понимаю. Почему я должна дистанцироваться от Аянокоджи-куна? Может, у меня действительно есть к нему чувства, но оставаться друзьями нам ничего не мешает, разве нет?

— Будь это возможным, то и правда ничего не мешает. Но Ичиносе-сан, я же вижу, исключительно дружеские отношения тебя не устроят.

— Думай, что хочешь, Сакаянаги-сан. Но я не собираюсь меняться до тех пор, пока не получу от Аянокоджи-куна прямой отказ.

— Мне кажется, или негативное влияние усилилось? Ты практически полностью под его контролем. Понимаешь хоть, что если продолжишь в том же духе, сама же себя и погубишь?

— Аха-ха-ха, занятные ты вещи рассказываешь.

— Я и правда за тебя беспокоюсь. Не могу спокойно смотреть, как ты все глубже погружаешься в бездну.

— Не беспокойся, Сакаянаги-сан. Уж что-что, а Аянокоджи-кун меня не контролирует.

Взгляд Ичиносе сделался холодным. И такого выражения на ее лице мне еще видеть не доводилось.

— Сакаянаги-сан, я разгадала твои замыслы. Хочешь взять меня под свой контроль и использовать, как будет угодно? Поэтому и пытаешься удержать, не так ли?

— Вот как ты поняла мои слова. Впрочем, такое объяснение тоже имеет место.

— И я знаю кое о чем еще. Правда в том, что ты точно также по-особенному смотришь на Аянокоджи-куна, и мне просто интересно... не встаю ли я у тебя на пути? — слабо улыбнулась Ичиносе.

Между тем Сакаянаги на мгновение остановилась. Нетипичная заминка для той, кто привык стоять выше остальных.

— Соглашусь, я действительно смотрю на него по-особенному, но не так, как ты.

— Сомневаюсь. Сама ты этого можешь не осознавать, но мне кажется, что так же, — прямо отвергла она слова Сакаянаги.

— Ладно. Мне больше нечего тебе сказать. Просто знай, что если в конечном счете пожалеешь о решении, я не смогу тебе помочь, — подвела черту Сакаянаги.

Возможно ли, что ее отношение к Ичиносе за время этого разговора сменилось настороженностью?

Будь то безрассудные поступки, вызванные пустяковой болезнью — слепой любовью, — и это можно было бы, наверное, счесть чем-то милым.

Но ситуация начала меняться в совершенно непредсказуемом направлении. Ее внутренняя доброта осталась прежней, но та, что всегда была обращена к остальным, сменилась злом.

Сила стала настолько ощутимой, что появилось предчувствие контратаки тонущего класса Ичиносе.

И Сакаянаги, уверен, почувствовала это.

Почему я так уверен? Да потому что сам считаю также.

— Мы собираемся чуть позже собраться в торговом центре Кёяки, чтобы отпраздновать победу. Могу я уже пойти в общежитие? — поинтересовалась Ичиносе. Похоже, она хотела переодеться и потом отправиться к своим.

— Конечно. Иди, будет нехорошо задерживать тебя еще дольше.

«Прощу», — уступила она дорогу. Ичиносе махнула мне рукой на прощание и пошла в сторону общежития.

Мы с Сакаянаги остались наедине.

— Я и не думала, что когда-нибудь придется пересматривать мнение в отношении ее, да и еще при таких обстоятельствах.

Судя по всему, Сакаянаги не смогла предвидеть, что произойдут такие изменения. Своего рода побочный эффект сильнодействующего препарата... или, вернее, вторичный продукт.

— Жаль, конечно, я-то думала, что благонадежная Ичиносе-сан станет для меня отличным приобретением.

— Но планы сорвались, да?

Чтобы направлять людей в нужную сторону, необходимо обладать широким кругозором и делать взвешенные решения, тем не менее даже я разбираюсь не во всех областях.

Например, любовь, оказывается, способна влиять на разум и характер человека. В это трудно поверить, но любовь — необъяснимое и необыкновенное чувство, которое легко может привести к совершенно неожиданным результатам.

Пригодна ли Ичиносе Хонами на роль лидера или нет? Хороший ли она стратег или нет?

Вопрос вовсе не в этом.

По сути, у Ичиносе нет недостатка в навыках. Я помню ее впечатляющий маневр на экзамене Зодиака. А если взять скрытые способности, она вполне способна противостоять Хориките, Рьюэну и Сакаянаги. Или в зависимости от ситуации может даже превзойти их.

— Я не смогла распознать в ней эту скрытую силу. Однако, пусть даже она окажется в ее власти, исход останется прежним. Трагическим.

— И все же ты считала, что сможешь это предотвратить?

— Нет. Я не собиралась ничего предотвращать с самого начала. Вопрос лишь в том, кто именно ее сломает.

Разумеется, Сакаянаги не воспринимает Ичиносе как союзника. Она воспользуется ею в качестве удобной пешки, а потом этот расходный материал просто выбросит.

— Ну ладно, Аянокоджи-кун, я вскоре «тоже» наведаюсь в твою комнату, — сказала Сакаянаги, намеренно раскрыв карты. Все-таки она была осведомлена об Ичиносе.

Продолжение следует...

Над переводом работала команда RanobeList

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/4241/2940349>